

Поджога театра не было

"Допустим, вас обвинили в формализме, натурализме, эклектизме, эстетизме, но по крайней мере в рецензии нет ни слова о плагиате. Уже хорошо. Если все-таки нашелся материал для обвинения в плагиате, то ничего не пишут о поджоге театра. А это было бы хуже". Так мог написать только один режиссер. Николай Павлович Акимов. Его столетие отмечалось в двух театрах города - в Театре Комедии, носящем его имя, и в Театре Ленсовета, где Акимов проработал пять лет. Главные юбилейные торжества, разумеется, проходили в Комедии. И могу вас уверить: поджога театра в тот вечер не было. Как не было, впрочем, и формализма, натурализма и особенно эстетизма. А было вот что.

Близко знавший Николая Павловича, Всеволода Эмильевича, Константина Сергеевича, Владимира Ильича, Льва Гурыча и Татьяну Сергеевну (фамилии расставте кому какие нравятся), в известном роде непревзойденный Александр Аркадьевич - однозначно Белинский - сочинил сценарий о жизни и творчестве юбиляра под названием "Воспоминания Гамлета, принца Датского". А главный режиссер Театра Комедии Татьяна Казакова поставила по этому сценарию некое театрализованное действо. Советские клубные работники, кажется, называли такие мероприятия "вечер-портрет". Вот этот жанр и был выдержан со всей строгостью.

Попробуем вспомнить, кого именно будут "портретировать". Акимовская легенда много больше научно обработанного фактического материала о его творчестве. Его изысканные жизнерадостные фантазмагории завораживают - в рисунках, портретах, плакатах, макетах и т.д. О том, как это выглядело в трех измерениях, можно судить, например, по старой кошелевской "Золушке". Законченный, гармоничный, притялливый сказочный мир. Но как это было в его собственных спектаклях - с точки зрения сегодняшнего дня? Что у нас есть? Только восстановленная "Тень". Так это, вероятно, только тень... Ведь Акимов не просто как-то работал с актером, он придумывал персонажей целиком, смешивая реальность и вымысел. А абберации исторической памяти таковы, что вот я, например, в детстве была уверена, что этот неправдоподобно прекрасный мужчина на картинке с размашистой надписью "Дон Жуан" был сочинен художником. А это, оказывается, был Геннадий Воропаев... Но я до сих пор сомневаюсь в том, что было раньше - фантазия художника Акимова или живая жизнь.

Фантастическое остроумие и обаяние Николая Акимова осталось в текстах его блистательных статей, в горячих рассказах его благодарных современников и влюбленных современниц, по сей день, кстати, слегка подавленных, заколдованных его необыкновенной личностью (что показали многочисленные выступления завид-

но молодежавших старушек). Богатая (даже чересчур) драматическими и попросту трагическими событиями творческая биография. И - слава создателя самого популярного театра двух столиц (с необходимыми воспоминаниями о массовых зрительских безумствах). Все это стоит учитывать хотя бы для того, чтобы понять - с каким взволнованным любопытством отреагировала публика, пришедшая в Театр Комедии, на предложение чуть-чуть вспомнить знаменитого акимовского "Гамлета".

...Когда два экипированных из подбора пестреных шуток с застывшими неживыми улыбками на раскрашенных лицах, сильно подмигивая залу и отчаянно подтанцовывая, начали декламировать кусочки из интермедии Николая Эрмана к "Гамлету" ("Рыть или не рыть - вот в чем вопрос" и т.д.), стало понятно, как же трудно было в свое время властям обвинить в формализме молоденького Николая Павловича (его, кстати, в пафосной манере приобщительно сороковыми пятидесятыми годов пригласили в Театр Денис Зайцев). Проще было уволить за неумение ставить детские утренники. (Напоминаю, что так Театром Комедии был использован уникальный шанс осмыслить акимовское наследие театральными средствами).

Пионер-герой Коля Акимов (разумеется, персонаж спектакля Казаковой) надевал цилиндр и превращался по ходу действия в Ученого из "Тени". Он декламировал монолог, артистка пела в микрофон романс из телефильма "Собака на сене", а на экране возник портрет Елены Владимировны Юнгер. По поводу этого "поэтического" решения хочется сказать многое, но, по совету Николая Павловича, ограничусь одним: все-таки хотя бы без поджога дело обошлось.

Периодически на сцене появлялись артисты в вечерних костюмах и артистки в балльных платьях, страшно зажатые по причине торжественности момента. Они рассказывали зрителям биографию Акимова и изображали народное возмущение, когда в этой биографии в очередной раз намечался драматический перелом. "Врагом народа", персонажем, олицетворяющим

разгул репрессий, была назначена артистка Людмила Вагнер. Вместе с артистом Сергеем Кузнецовым (большой начальник в военном френче) они сильно угнетали сначала артиста Зайцева, а потом артиста Бориса Улитина (он играл взрослого Николая Павловича).

То, как Акимов то назначали, то снимали, прокомментировали артистки Светлана Карпинская и Ирина Шветкова (по совместительству - персонажи "Школы злословия". Один из немногих удачных эпизодов, сделанных не без "капустной" остроты). Не обошлось дело и без обширной и откровенно убогой (но поджога-то не было!) цитаты из "Льва Гурыча Синичкина" (интересно, сколько всего поводов для использования этого воведилы найдет Белинский?).

Сценку из "Кресла № 16" сыграли Валерий Никитенко и ужасно смешной (наконец-то. Ура!) Артур Ваха. Хотя соперничать по части комизма с Виталием Вульфом было решительно невозможно. Московскому гостю при-

д и Вульф произнес один из своих знаменитых монологов. Говорил он, как всегда, длинно и остроумно, но вот что же конкретно было сказано, понять не удалось. Да это и не важно. Самое главное - музыка голоса. То есть так думают поклонники Вульфа. Но поскольку театра он не поджигал, то остальное значения не имеет.

"Гвоздем программы" стала сцена из "Дракона". Воспроизводить (хотя бы попытаться) акимовские мизансцены в задачу не входило, но тем не менее эффект был колоссальный. Потому что Шварц - видимо, все-таки обыкновенный гений. Будет очень жаль, если Сергей Кузнецов не сыграет Бургомистра в полномочном спектакле, - произошло какое-то удивительно точное попадание в роль.

В качестве апофеоза вечера на сцене был устроен салют из шампанского. О том, что бы подумал или, не дай бог, написал язвительнейший Николай Павлович по поводу празднования собственного столетия в дважды родном театре, страшно даже помыслить. Соперничать с ним в этом деле - бессмысленно.

А вот в Театре имени Ленсовета решили устроить очень скромное празднование. Зато какой был подготовлен сюрприз! Была показана чудом сохранившаяся и с невероятными усилиями выцарапанная из архивов копия знаменитого акимовского "Дела" (глубоко Пазитивное решение). Трепет от прикосновения к аутентичному Акимову соперничал лишь сбезудержным любопытством.

У чиновников в товстоноговской "Смерти Тарелкина" сразу же обнаружили ближайших родственников. Приятно было вдруг "открыть для се-

бя" отличного актера - Юрия Бубликова - замечательного Тарелкина. А чудный Павел Панков в роли Варравина - легкий, молодой, подвижный! И эти пухлые загребущие лапки-ласты, которыми генерал опирается на стол (понятно, что перед нами - моржеподобное чудовище), и пронзительные глаза, и манера сладострастно облизываться... Акимов не любил слово "гротеск". Ну и зря.

Наблюдение, подтвержденное просмотром "Дела": "физиономия" добра быстро устареет (на молоденького пафосного Всеволода Кузнецова в роли положительного Нелькина смешно смотреть), а вот зло в искусстве обладает вневременным обаянием, оно всегда современно. В сатире в отличие от лирики мы всегда будем чувствовать себя как дома. С чего же все-таки начинается Родина?..

"Зажигая лампаду перед образом современника, мы не добьемся его яркого освещения", - острит Акимов. Ничего, у нас теперь есть луч кинопроектора.

Лилия ШИТЕНБУРГ

Среда 21 апреля 2001 г., № 82 (22872)
-С-П-С-С-Т-